

Логическое учение А.А. Зиновьева

В последние 15–20 лет отечественного мыслителя Александра Зиновьева вспоминают преимущественно в связи с его исследованиями в области общественных явлений, исторического процесса, а также социологическими романами, яркой публицистикой. Причина этого понятна – объективный запрос времени, общества на анализ происходящих на планете перемен глобального масштаба, кардинального характера. Зиновьев одним из первых всесторонне проанализировал их, а ход событий в нынешнем столетии подтвердил правильность его оценок, выводов, прогнозов. Отсюда значительный общественный интерес к этой части его наследия.

По этой причине порой забывается, что Зиновьев начал свою научную деятельность в середине 1950-х годов как логик. Минувший век отмечен стремительным развитием этой науки. Возникли новые направления, новые теории, получены выдающиеся результаты. И в этом научном прорыве вклад А. Зиновьева – один из самых значительных. Его труды по многозначной логике, другим разделам неклассической логики, теории логического следования, логическим основам методологии науки, логической обработке языков конкретных естественных и общественных наук являются новаторскими и получили международное признание. Зиновьев предложил, обосновал новую трактовку самой логической науки: ее предмета, методов, взаимодействия с теорией познания, методологией науки. Благодаря этим работам он вошел в ряд крупнейших логиков своего времени.

Почему логика?

Огромную роль в возникновении интереса к логике, погружения в нее сыграла неудовлетворенность А. Зиновьева догматической версией марксизма, доминировавшей в общественных науках того времени. Он не раз говорил об этом. Потребность преодолеть догматизм, сведение марксистской философии, диалектического метода к застывшим схемам, стремление найти обоснованные ответы на вопросы, которые ставила сама жизнь, привели Зиновьева к выводу, что этот поиск следует начинать с создания методологии познания, отвечающей критериям науки. В основании методологии, считал Зиновьев, лежит логика. Формальная или диалектическая – в том надо разбираться, к чему он и приступил.

Несомненно, важную роль сыграло и то, что среди предметов, преподававшихся в те годы на философском факультете МГУ, формальная логика дальше всех отстояла от идеологии и политики. Вполне закономерно, что те студенты, кто ценил свободу мысли,

кого тяготила необходимость начинать и завершать любое исследование апеллированием к трудам классиков марксизма-ленинизма, партийным документам, предпочитали выбирать в качестве специализации логику, методологию науки, философские вопросы естествознания, а также историю философии. Конечно, идейная цензура давала себя знать и здесь, но в значительно меньшей степени. Вполне закономерно, что А. Зиновьев с его независимым характером, свободолобием, установкой не принимать ничего на веру, устремил свой взор в сторону логики.

В итоге она вошла в круг его научных интересов, можно сказать, навсегда. Если первая работа Зиновьева по логике, кандидатская диссертация на тему «Метод восхождения от абстрактного к конкретному», была защищена им в 1954 году [1], то последняя работа, в которой логика – одна из основных тем, книга «Фактор понимания», вышла в свет в 2006 году, через несколько месяцев после смерти автора [2]. Как видим, интервал между названными трудами более чем полвека. Убедительное свидетельство пристального внимания Зиновьева к логической науке.

За эти десятилетия Зиновьев написал, выпустил без малого полтора десятка монографий по проблемам логики, ее применения в конкретных областях знания. А еще были многочисленные статьи, курсы лекций, в том числе в середине 1960-х годов на философском факультете МГУ, где он ряд лет заведовал кафедрой логики, а также выступления с соответствующими лекциями в зарубежных университетах. В их числе – получившая большой резонанс лекция «Нестандартная логика и ее применение», прочитанная в 1983 году в Оксфордском университете [3]. Работы А. Зиновьева по логике переведены на иностранные языки.

А. Зиновьев о предмете науки логики

В середине прошлого века в Советском Союзе предметом изучения и преподавания были две логики: формальная в виде логики традиционной, восходящей к трудам Аристотеля, в виде математической (символической) логики, а также логика диалектическая. Кандидатская диссертация А. Зиновьева, тема которой названа выше, была посвящена вопросам диалектической логики. Не будет преувеличением сказать, что наряду с работами Э.В. Ильенкова она внесла подлинную научность в диалектическую логику, стала одним из ее канонов. Однако все дальнейшие исследования Зиновьева, принесшие ему международное признание, осуществлены в области формальной логики как логики математической.

Почему? Обычно формальная логика определяется как наука о законах и формах правильного мышления. Однако А. Зиновьев полагал, что это слишком узкая, односторонняя ее трактовка. Мыслитель считал, что логика, ее инструменты лежат в основе исследований во всех отраслях знания, претендующих на статус науки. Общественные, гуманитарные науки не являются исключением. Опора на логику, использование логики – необходимое условие рациональности, подлинно научного познания. В этом отношении Зиновьев был убежденным, непоколебимым сторонником сциентизма. В том числе в философии.

Вопрос о том, что изучает формальная логика, относится к категории вечных. Имеет ли она собственный предмет или объектом ее исследования являются психические процессы, порождающие мышление? Она описывает правила рассуждений, мышления, которые существуют независимо от человека, или конструирует эти правила, предписывает их? Какова природа логической необходимости, логических законов?

Эти вопросы приобрели особую остроту с конца позапрошлого века, когда началось становление математической логики – применение математических методов для

описания операций, которыми изначально занималась традиционная формальная логика. Говоря современным языком, формальная логика пошла по пути «цифровизации». Из науки о законах познающего мышления, цель которого – открытие, обоснование истины, формальная логика постепенно трансформировалась в построение формализованных теорий, исчислений, которые интерпретировались как модели рассуждений. Но, по мнению сторонников данного направления, в отличие от традиционной логики эти построения отвечали критериям строгости, доказательности, принятым в математике, других точных науках. Этот подход стал в формальной логике доминирующим.

Способствовала ли формализация обогащению логического инструментария? По мнению А. Зиновьева, это несомненно, в данном отношении логика совершила скачок в своем развитии. Помогло ли это углублению понимания собственной природы? Ответ Зиновьева тоже утвердительный.

Вместе с тем он, пожалуй, был одним из первых, кто с тревогой отметил: увлечение построением исчислений привело к отрыву логики от практики ее применения в естественных и общественных науках, познавательных операциях, реально совершаемых исследователями как на эмпирическом уровне, так и при выдвижении гипотез, построении теорий, совершении выводов из них и их верификации. Он увидел опасность утраты логикой своего предназначения. По мнению Зиновьева, логика занимается исчислениями, формальными системами только в той мере, в какой они являются инструментами рассуждения, доказательства, опровержения, научного познания.

Очень точно эту позицию мыслителя охарактеризовал академик РАН В.В. Лекторский: «Для А.А. Зиновьева смысл логики не в конструировании формальных исчислений, а в использовании формальных методов для выработки приемов научного познания. Так было начиная с первых его работ, посвященных исследованию логического метода в “Капитале” К. Маркса и кончая работами по логической физике и логической социологии...» [4]. Эта позиция Зиновьева оставалась неизменной на протяжении всей его научной деятельности. Сами по себе, так сказать, в чистом виде формальные исчисления, считал он, – это математические конструкции, которые интересны и значимы в рамках математики, но не несут в себе логического содержания, если мы понимаем логику как науку об интеллектуальной деятельности, важнейшая составная часть которой – научное познание.

Зиновьев указал на односторонность и даже опасность данной тенденции в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда математическая логика, построение формальных систем, претендующих на моделирование логических операций, переживали бум. Понятно, что на него обрушился шквал критики со стороны представителей этого направления. Критики во многом несправедливой, так как Зиновьев вовсе не был противником применения математических методов в логике. Он сам построил формальные логические системы, объединенные им впоследствии в единую систему комплексной логики. Против чего он выступал, так это против сведения логики к ее формальному аппарату, акцентирования внимания на нем. В отличие от математики, считал Зиновьев, логика сосредоточивает внимание на изучении, описании, обосновании процессов познания, протекающих на уровне абстрактного мышления.

Время подтвердило правоту его опасений. Спустя три десятилетия, в 1991 году, выступая на IX Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки, один из крупнейших ученых-логиков Г. фон Вригт констатировал: логика утратила собственный предмет и содержание, растворившись в многообразных исчислениях, имеющих математическую природу [5].

Надо сказать, что существует и другое мнение. Так, А.С. Карпенко в обзорной статье «Логика на рубеже тысячелетий» отмечал: по мере развития технических методов, построения все более сложных формальных систем представления о самой логике

принимают все более абстрактный характер. В связи с этим возникает фундаментальный вопрос о существовании конструкции под названием «ЛОГИКА». Такой конструкции нет и не может быть, подытоживается в статье. Иными словами, то, что со времен Аристотеля считали наукой о правильном мышлении, познании, на самом деле есть наука об объектах, имеющих ту же природу, что и объекты математики. Некоторые их комбинации могут трактоваться как математически строгое описание того, что принято называть мышлением, познанием [6].

Высказанная точка зрения является довольно распространенной, отражает тенденцию математизации все новых областей знания, стремительно идущей цифровизации. Но факт и то, что математизация может идти только до определенного предела, за которым она утрачивает смысл, так как в ходе нее постепенно исчезает качественное своеобразие изучаемого объекта, утрачивается способность символических конструкций, математического аппарата сохранять связь, отражать специфику конкретных областей природы, общества. Приведу слова видного российского математика академика С.П. Новикова. Отмечая нынешнее увлечение математизацией, он говорит о своем поколении ученых: «У нас было твердое понимание, что “чистая” математика – это замечательная наука, но при одном условии: для того, чтобы она была полезна для общества, ее лидеры должны быть учеными, знающими другие области, в том числе естественные науки и приложения» [7].

Сказанное относится и к математической логике: чтобы оставаться логикой, она должна быть связанной с практикой, опытом познания во всех его формах: от так называемого повседневного мышления, здравого смысла до сложнейших мыслительных построений в теоретической физике, космологии, химии, биологии, философии, социологии и так далее. Именно за это выступал Зиновьев: не игры в исчисления, а привязка их к познавательным операциям.

Каким образом эта связь может и должна, по его мнению, реализоваться в логике? Вернемся к традиционному определению логики как науки о законах и формах правильного мышления. А. Зиновьев исходит из того, что проблема природы логических форм и законов до сих пор является одной из наиболее сложных в логике. Он четко разграничивает два аспекта проблемы. Одно дело – обоснование формальных систем, претендующих на статус логических. Здесь все достаточно ясно: построение семантики, которую можно интерпретировать в терминах «истина» и «ложь», доказательство полноты и непротиворечивости данной системы относительно этой семантики. Другое дело – обоснование самих логических структур, законов, допустимых способов рассуждения. Этот аспект, подчеркивает Зиновьев, требует обращения и к теории познания, и к онтологии.

И здесь встают следующие вопросы: являются ли логические формы и законы законами и формами некоторого естественного процесса ментальной деятельности людей? Тогда какой именно? Утвердительный ответ на первый вопрос означает, что логика изучает внутренние механизмы мышления, процессы познавательной деятельности человека в том их виде, в каком они протекают в психике, сознании людей. Тем самым логике отказывалось в притязаниях на статус самостоятельной теоретической науки, она рассматривалась как ветвь психологии, базирующаяся на ее методах описаний и обобщений, прежде всего на методе интроспекции. При таком подходе открываемые логикой законы есть законы естественных, природных процессов, генерируемых мозгом.

А. Зиновьев отвергал подобную позицию. Законы логики потому и законы, что они выражают необходимые связи, имеющие силу для всех людей. Но природа этой необходимости иная, чем та, которая имеет место в природных процессах. В ее основе лежат объективные, не зависящие от человека связи, запечатленные в языке. Таким образом, объектом изучения логики являются естественные языки, предметом изучения – те аспекты, которые делают его инструментом мышления, познания.

Если бы А. Зиновьев ограничился только этой констатацией, то не сказал бы ничего нового. Такого взгляда придерживаются многие логические, философские школы, течения. В первую очередь аналитическая философия. Новизна подхода Зиновьева заключается прежде всего в понимании работы, выполняемой логикой в области языка. Согласно Зиновьеву, логика исследует язык не во всем многообразии его черт, функций, а лишь в качестве знакового аппарата познания реальности, средства фиксирования и сохранения результатов познания. В этом отношении логика имеет следующие отличительные черты.

Первое. Логика выделяет, абстрагирует в языковых явлениях определенные структурные компоненты, которые образуют структуру знаний. Это термины, высказывания, они же суждения, терминообразующие операторы, а также операторы, связывающие высказывания, – конъюнкция, дизъюнкция, импликация, отрицание.

Второе. Логика изучает свойства терминов и высказываний, не зависящие от того, являются ли они терминами и высказываниями физики, биологии, истории, политологии и так далее. Она изучает правила, общие для любых терминов и высказываний с определенной структурой, и не ориентирована ни на какую конкретную науку. Нет логики специально для математики, физики, химии, социологии, истории и прочее. Напротив, она вооружает самые разные науки инструментами интеллектуальной деятельности, не зависящими от конкретной предметной области той или иной науки. В этом смысле правила логики универсальны.

Третье. Логика осуществляет особую обработку названных структур языка, которая заключается в их усовершенствовании, изобретении новых и установлении точных правил оперирования ими. Это и есть правила, законы логики. По мнению Зиновьева, они не открываются людьми, а изобретаются ими в процессе совершенствования методов оперирования терминами, высказываний. Так, законы силлогистики не были открыты Аристотелем в языке, а были изобретены им. Единственный критерий плодотворности таких инструментов – их познавательная эффективность.

Вместе с тем Зиновьев не считает, что логическая работа является целиком и полностью произвольной. Она опирается на языковую практику людей. Логика превращает стихийное языковое творчество в организованную деятельность.

Здесь встает вопрос: являются законы логики дескриптивными, описательными или прескриптивными, предписывающими. На первый взгляд Зиновьев сторонник второго подхода. Однако дело обстоит сложнее. В ряде работ он прямо говорит об объективной детерминированности законов логики. То, чего он не принимал категорически, так это отождествления или хотя бы сближения природы логических связей со связями в вещественном или социальном мире. Для него было несомненно, что связи, структуры, изучаемые логикой, имеют идеальную, а не вещную природу. В этом отношении его взгляды близки воззрениям Г. Фреге, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна [8–10]. Мир логики – мир идеальных объектов, но он не создан человеком произвольно.

Четвертое. Из утверждений Зиновьева вытекает, что если мышлением называть процессы, протекающие в мозгу человека, то логика не изучает мышление и не учит правильному мышлению. Она изучает определенные операции с определенными же материальными компонентами естественного языка, которые есть «опредмеченное» мышление, понимаемое как познание, как действия по приобретению знания. Правила и законы логики не являются правилами и законами естественного, природного процесса мышления, как это полагали сторонники психологизма в логике. Ее не интересует, что происходит в глубинах сознания, тайниках мозга на пути к истинному знанию. По сути, Зиновьев в этом вопросе занимает позицию, аналогичную той, что выдающийся логик Г. Фреге сформулировал следующим образом: задача логики – обнаружение законов истинности, а не законов мышления [8].

Пятое. Логические связи могут реализовываться не только в естественных языках, но и в искусственных языках, знаковых системах, конструируемых логиками. Последние создаются не произвольно. Логика обнаруживает определенные виды терминов, высказываний, операторов, правил действий с ними в качестве эмпирических данных в языковой практике, в свою очередь связанной как с повседневной жизнью, так и с научным познанием. В этом плане, полагает Зиновьев, логику можно считать эмпирической наукой. Но она не является эмпирической по своей направленности, интенции. Ибо логика изучает свойства терминов и высказываний, не зависящие от конкретной предметной области. Ее законы имеют силу для любой науки, если в ней используются языковые формы выражения, идентичные тем, что описаны в логике.

В этом смысле логика – надопытная наука, ее положения имеют априорный характер. Отменить их нельзя. Но от исследователя зависит, какими логическими инструментами пользоваться в той или иной области знания. Например, закон противоречия не работает при описании переходных состояний. Интуиционистское обоснование математики не допускает применения закона исключенного третьего и двойного отрицания. Есть свои ограничения в квантовой механике. Но все эти примеры говорят не о несостоятельности претензий законов логики на универсальность, а не о состоятельности претензий на универсальность любой конкретной логической системы.

Закономерно встает вопрос: все ли формы, законы мыслительной деятельности присутствуют в языке? Или в сознании есть что-то, не охваченное, не отраженное в языке? Вопрос сложный. Сам Зиновьев им специально не занимался. Поскольку он был убежденный рационалист, то можно предположить, что для него собственно научное познание есть работа интеллекта, мысли, совершаемая по правилам и в формах, которые устанавливает логика путем извлечения их из языка как «материи» мысли. Даже то, что принято называть интуицией, озарением, наитием, есть не что иное, как способность сознания, интеллекта четко формулировать конечный вывод, минуя промежуточные ступени познания, которые всегда предшествуют инсайту. Да и сам инсайт становится таковым, когда он обретает интересубъективность, то есть переводится на естественный или искусственный язык.

С другой стороны, язык обладает в определенной степени автономией и даже властью в отношении человека. Мы видим мир таким, каким языком пользуемся для его описания. Это четко сформулировал М. Хайдеггер: мы существуем прежде всего в языке и при языке [11]. Естественный язык возник в процессе эволюции как средство коммуникации людей. Как средство познания он стал использоваться позднее. Дальнейшее его развитие в этой сфере Зиновьев видел в синтезе логики с другими когнитивными науками, в формировании таким путем качественно новой системы познания, которую он назвал интеллектологией [21, 2].

Основные результаты Зиновьева в области логики

Вряд ли найдется область логики, которая бы оказалась вне поля зрения А. Зиновьева. Отличительная черта его, если так можно сказать, стиля исследования заключается в том, что, в полной мере владея собственно математическими инструментами анализа, сознавая их первостепенную значимость в этом процессе, во главу угла своей работы он ставил использование логического аппарата в научном познании. Итогом такого подхода стала разработка им логической теории, объединяющей в единое целое все ключевые разделы современной логики в ее связи с практикой научного познания. Составные части комплексной логики можно сжато охарактеризовать следующим образом.

Логическая теория научных знаний. Речь идет именно о логике научного познания, а не о его методологии. Считаю, что Зиновьев первым среди логиков XX века обратил

внимание на такую проблему, как приведение научного знания, научных теорий в соответствие с требованиями логики. Он показал, что такой подход придает им связность, строгость, но и открывает возможность логическими средствами прояснить, а иногда и снять конкретные проблемы конкретной науки. Ключевую роль здесь, по его мнению, играет раздел комплексной логики, предметом которого являются выражения, названные им логическими терминами.

Речь идет о выделенном им классе терминов естественных языков и языков опытных наук, областью значения которых являются достаточно общие характеристики внешнего мира. К ним А. Зиновьев относит такие термины, как «предмет», «признак», «существование», «состояние», «организация», «порядок», «движение», «изменение», «переход», «объединение», «группа», «комплекс», «качество», «количество», «структура», «отношение», «связь», «прогресс», «регресс», «эволюция», «развитие», «часть», «целое», «необходимость», «случайность», «закон», «время», «пространство», «настоящее», «прошлое», «будущее», «простое», «сложное», «сущность», «явление» и т.д. Такого рода общих языковых терминов насчитываются многие десятки. Зачастую они употребляются с весьма смутным смыслом, просто как слова общеразговорного языка, а не как научные термины, в лучшем случае – как термины той или иной конкретной сферы науки. Случаи, когда бы они были определены в соответствии с критериями логики, крайне редки.

В работах А. Зиновьева обоснованы способы логической обработки большого комплекса логических терминов, относящихся к пространству, времени, движению, эмпирическим связям и т.д. А. Зиновьев приводит такой пример их применения. На вопрос о том, может ли физическое тело одновременно находиться в разных местах, обычно отвечают отрицательно: не может. Но почему? На этот вопрос обычно отвечают: так устроен мир. Но дело тут не в устройстве мира. Да и откуда взять гарантии, что наше утверждение будет верно во все времена и во всех местах пространства? Наша уверенность в том, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах, есть логическое следствие неявного определения выражений «разные места» и «физическое тело». В каком случае места (области пространства) считаются разными? Неявно предполагается, что два места А и В различны, если и только они не имеют общих точек. Но реальные «точки» суть физические тела. Так что если определение выражения «разные места» записать явно (эксплицировать), то получим следующее. Два места А и В считаются (называются) разными местами, если и только если для любого физического тела Х имеет силу утверждение: если Х находится в одном из А и В, то в то же самое время оно не находится в другом из них. Из этого определения логически следует, что физическое тело не может одновременно находиться в разных местах.

В книге «Логическая физика» [12] А. Зиновьев приводит примеры положений данной науки, которые, по его мнению, являются сомнительными, а то и просто неверными с точки зрения классической физики, человеческого опыта и здравого смысла. В их числе идеи замедления и ускорения времени, обратного хода времени, искривления пространства, наличия особой логики микромира и т.д. Причина таких утверждений, по его мнению, заключается в том, что используемая в них логическая терминология плохо определена или совсем не определена, многозначна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы. В названной книге А. Зиновьев приводит чисто логические обоснования (без обращения к физике) необратимости времени, бессмысленности утверждений об ускорении, замедлении и различном «ходе» времени, единственности и трехмерности пространства, существовании минимальных длин, объемов, временных интервалов и скоростей и целого ряда других утверждений.

Логические термины, отмечает Зиновьев, до сих пор находятся в ведении философских учений о бытии. Характерным для них, по его мнению, является почти полное

игнорирование средств логики и стремление построить учение о бытии просто как обобщение результатов конкретных исследований явлений реальности, включая результаты частных наук (в особенности естественных). По мнению мыслителя, на этом пути построить онтологию, удовлетворяющую критериям научного подхода, невозможно. Эта задача может быть решена только в рамках особым образом построенной логики и средствами такой логики, поскольку, считает он, обоснование логической онтологии предполагает использование общей теории знаков, общей и специальной теории терминов, общей теории вывода, других разделов логики. Все они должны быть построены на уровне логических исчислений. Логическая онтология выступает как их расширение, как дополнение к ним. Его обоснование логической онтологии, подчеркивает Зиновьев, включает в себя также все разумное содержание диалектики, рассматриваемой как учение о бытии.

Результаты этой работы, помимо упомянутой «Логической физики», изложены в таких трудах Зиновьева, как «Об основных понятиях и принципах логики науки», «Логическая социология», «Основы логической теории научных знаний», «Логика науки» [13–16] и т.д. В них ученый подчеркивает, что при выполнении подобных операций логика ничего не утверждает о конкретной природе предметов, которые отображаются в терминах, высказываниях. Речь идет только о придании науке, какому-то ее фрагменту логической строгости.

Концепция логических терминов подверглась критике как со стороны представителей естественных наук, так и философов. Однако хотя со дня публикации труда прошло не одно десятилетие, и в нашей стране, и за рубежом не вышло ни одной работы, в которой был бы дан обстоятельный критический или, напротив, позитивный разбор этих идей А. Зиновьева. То, что они затрагивают реально существующую составляющую процесса научного познания, особенно обоснования научных теорий, несомненно. В условиях, когда в современной науке все более понятий высокого уровня абстракции, положений, связь которых с эмпирическими данными прослеживается не в полной мере, это направление исследований приобрело еще большую актуальность.

Другой аспект расширения содержания науки логики – логическую обработку самих методов научного исследования, применяемых в опытных науках, – А. Зиновьев назвал расширенной логической методологией. Чтобы дать логически корректное определение понятий естественных наук, необходимо обосновать и описать какие-то исследовательские операции. Описание таких операций выступает как определение логических терминов – операционное определение. Например, выражение «Событие А есть физическое (эмпирическое) следствие события В» является сокращенной записью определенного множества описаний исследовательских операций, в которое входит описание такой операции. В этом разделе комплексной логики дается логическое описание фактически используемых в науке и логически мыслимых (возможных) приемов познания, таких, например, как мысленный эксперимент, восхождение от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, эвристические гипотезы, моделирование и другие.

Логика и методология социальных наук. Вклад А. Зиновьева в эту сферу трудно переоценить, так как он предложил хорошо аргументированное решение ключевой для социальных наук проблемы. А именно: доказал, что они именно науки в строгом значении этого понятия. Чтобы в полной мере осознать значение этого его результата, напомним, что в конце XIX – начале XX века в трудах В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Риккерта [17–19] были сформулированы идеи, которые выросли в противопоставление логико-методологических принципов, средств наук о природе и наук об обществе. Науки о природе нацелены на получение объективного знания о внешней действительности, ориентированы на познание общих, повторяющихся черт изучаемого явления, основанного на законах причинности, независимых от человека. Социальные науки сосредоточены на познании частных,

индивидуальных, неповторимых особенностей, а потому науками не являются. Так возник своеобразный логико-методологический дуализм. С тех пор в области философии, логики, методологии маятник совершал движение то в сторону подчеркивания этого дуализма, то, напротив, его ослабления, сглаживания.

Тем не менее есть основания утверждать, что в последние десятилетия наметилось преобладание тенденции к признанию методологического единства естественных и социальных наук, плодотворности использования в социальном познании теоретического подхода, в том числе в строго дедуктивно-номологическом или номотетическом вариантах. Значительный, если не решающий вклад в это внес своими трудами А. Зиновьев. Он не только постулировал, но и обосновал принцип универсальности законов логики, который гласит, что эти законы не зависят от особенностей той или иной предметной области. От этих особенностей зависит лишь то, какие именно законы из множества возможных законов логики будут использоваться в той или иной области. Мир социальных явлений не представляет в этом плане исключений. Его описание и объяснение осуществляется, согласно Зиновьеву, с использованием той же логики, которая применяется в естественных науках, а построение теории той или иной области социального мира представляет собой логическую обработку знаний, на которые опирается данная теория.

Как подчеркивал А. Зиновьев, он занимался методологией научного познания в узком смысле, рассматривая ее как совокупность познавательных средств, методов, приемов, фиксирующих мыслительные познавательные структуры, описывающих их свойства, правила оперирования с ними. Тем самым методология понималась им как расширенная логика, то есть как логика, дополненная методами, которые не успели трансформироваться в собственно логику, в формальную систему, но которые в идеале должны претерпеть подобную трансформацию. Из этого вытекает, что, согласно Зиновьеву, логика есть предельное, то есть достаточно развитое с точки зрения строгости и доказательной силы состояние методологии.

Изложу основные положения логико-методологической концепции социального познания, разработанной А. Зиновьевым.

1. Его методология социального познания опирается на вполне определенные онтологические предпосылки, касающиеся природы объектов, с которыми имеет дело социальное познание. Зиновьев называет их социальными объектами. Это объединения людей и люди как члены таких объединений. Социальные объекты – объекты эмпирические, то есть видимые, наблюдаемые, данные в опыте. Они возникают, исчезают, меняются и т.д. В этом плане позиция А. Зиновьева близка позиции Э. Дюркгейма: социальные объекты (социальные факты, в терминологии Дюркгейма) – это своего рода вещи. Они существуют независимо от наблюдателя, познающего субъекта. В то же время социальные объекты обладают свойствами, отличающими их от всех других эмпирических объектов: они обладают волей, интеллектом, способностью планировать свои действия и предвидеть их результаты. Однако от этого они не перестают быть реально существующими независимо от наблюдателя, познающего субъекта.

Констатацией объективности социальных объектов онтология А. Зиновьева не исчерпывается. Он дает описание структуры социального пространства, с которым имеет дело социальное познание, с точки зрения характеристики типов социальных объектов, наполняющих данное пространство. Согласно Зиновьеву, эта структура иерархическая, двухуровневая. Объекты первого уровня – социальные атомы, или люди. Объекты второго уровня – социальные объединения. Их он называет человекниками. Человек в качестве социального атома существует лишь как член человекника, а человекник лишь как объединение людей.

Объекты и первого, и второго уровня не обладают тем типом существования, которым обладают предметы мира 1 в смысле К. Поппера [20]. То есть они не являются вещами, предметами физического мира. И человек как социальный атом, и человек как социальный атом являются объектами, скорее, мира 3, так как представляют продукт мыслительной деятельности исследователя.

Однако ни в одной своей работе Зиновьев не трактовал эту деятельность как чисто произвольную, абсолютно независимую от реальности, лежащей вне познающего субъекта. Онтология Зиновьева лежит в русле эпистемологического реализма. Это направление, с одной стороны, постулирует, что в познании субъект имеет дело с реальностью, существующей вне самого субъекта, а с другой – признает «теоретическую нагруженность» любого познавательного акта начиная с эмпирического опыта. Что означает: принятая познающим субъектом концептуальная схема, теория определяет, какие именно характеристики действительности он выбирает, считая их важными, релевантными. Это значит, что научное познание А. Зиновьев понимал как интеллектуальное конструирование действительности на основе эмпирических данных, но такое конструирование, которое содержит истинную информацию о познаваемой предметной области.

2. По своим гносеологическим и онтологическим воззрениям Зиновьев эссенциалист, так как считает, что необходимые связи существуют, носят объективный характер, и что научное познание позволяет открывать их. Собственно, научная теория как раз и представляет собой их фиксирование в виде исходных положений (аксиом, постулатов) или доказанных положений. В этом он коренным образом расходится с эмпиризмом, для которого необходимость может быть только логической (аналитической), и с трансцендентализмом, который видит в необходимости продукт работы мышления, способ организации чувственного опыта посредством использования априорных форм сознания.

Для Зиновьева несомненно, что научное познание выявляет необходимые связи, присущие самой познаваемой реальности. Это либо физическая, либо социальная необходимость. Он четко формулирует специфику последней: отображающие ее законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но при этом они не зависят от их сознания и воли. Противоречие содержания данной формулы кажущееся, оно исчезает, как только мы проведем различие между отдельно взятыми действиями людей как эмпирических объектов и законами таких действий. Отдельно взятые социальные действия являются сознательно-волевыми действиями, но законы этих действий таковыми не являются.

Трактовка А. Зиновьевым социальных законов как особого вида объективных необходимых связей детерминистского типа лежит в русле марксизма. Однако этой трактовкой их близость исчерпывается. Ни на каком из этапов своей научной деятельности А. Зиновьев не считал себя марксистом, не был им. За исключением кандидатской диссертации, положительных ссылок на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина мы в его работах не найдем. Высоко оценивая марксизм как идеологию, он отказывал ему в подлинной научности, имея в виду, что сформулированные в рамках марксизма теоретические построения не отвечают критериям научности, и прежде всего требованиям логики науки. В частности, для него как социального мыслителя была неприемлема редукция исторического развития, социального устройства к технологическому и экономическому детерминизму. Развернутая критика этой и некоторых других сторон марксизма дана им в работе «Идеология партии будущего» [21].

3. Один из сложнейших, постоянно обсуждаемых вопросов методологии социального познания, которому уделено внимание и в работах А. Зиновьева, – объективность социального познания. Этим вопросом много занимался К. Поппер [20]. Он пришел к выводу, что глубоко ошибочно утверждение, согласно которому естественнонаучное знание, основывающееся на наблюдениях, измерениях, экспериментах, индуктивных обобщениях

объективно, в то время как социальные науки ценностно ориентированы и потому необъективны. Представители естественных наук столь же пристрастны, как и социальные ученые.

Позиция А. Зиновьева существенно иная. Социальное познание, его результаты могут быть объективными, считает он, в том смысле, что они могут оцениваться в терминах «истина» или «ложь», которые в свою очередь трактуются им так, как это сложилось в классическом западноевропейском рационализме. То есть как описание и объяснение предметов, явлений такими, какими они существуют сами по себе, независимо от интересов, ценностно-целевых установок, симпатий и антипатий исследователя.

Достижение объективности в социальном познании А. Зиновьев обосновывает следующим образом. Он считает, что в совокупности многообразных социальных позиций (ролей), задающих траекторию поведения индивида в человеческой среде, есть такая позиция, которая предопределяет сторонне-объективный взгляд на социальную реальность. Это позиция аутсайдера, человека, который сознательно «очистил» свое сознание от доминирующих ценностей, господствующих целевых установок, отказался от жизни по правилам, навязываемым обществом. Это то, что в «Зияющих высотах» Зиновьев охарактеризовал как неучастие в борьбе [22]. Иными словами, объективность в социальном познании требует занятия определенной этической позиции. Эта установка Зиновьева есть кардинальный разрыв с установками, доминирующими в современной философии и методологии в науке, которые акцентированы на инструменты познания и познавательные процедуры. Этика в этих установках отсутствует.

А. Зиновьев отмечает также, что сама общественная жизнь содержит моменты, которые требуют объективных знаний. В результате чего производство истинных знаний об обществе выступает как условие самосохранения общества. Естественно, в ходе познавательной работы, наряду с истинными знаниями, производится огромное количество ложных знаний. Но важно то, что истинные социальные знания тоже производятся.

Необходимый фактор обеспечения объективности социального знания и социального познания, считал Зиновьев, – это применение интеллектуальных инструментов, отвечающих требованиям логики. Все, что «работает» в этом плане в естественных науках, может быть применено и в науках социальных.

4. Зиновьев придает большое значение устранению того, что в XVII столетии Ф. Бэкон называл «идолами», искажающими познание [23]. Основных «идолов» социального познания, согласно Зиновьеву, два: смешение идеологии и социальной теории; нарочитая тенденциозность, субъективизм в социальных науках, за которыми стоит, как правило, политическая установка, политический заказ.

Идеологическое мышление по самой своей сути пристрастно, убежден А. Зиновьев. Оно либо нелогическое, либо маскируется под логическое, не являясь им. В этом плане идеологическое мышление, согласно Зиновьеву, есть антипод научного мышления. Вместе с тем он полагает, что избавиться от идеологии человечество не в состоянии. Можно записывать в конституции отсутствие в стране обязательной для всех государственной идеологии, однако в действительности в любом обществе существует идеосфера, предназначение которой – создание и поддержание своего рода духовного, ментального поля, в сфере влияния которого вынуждены жить все члены общества на всех ступенях социальной иерархии от рождения до смерти. Это нужно, необходимо, полагает Зиновьев, потому что без идеосферы вообще невозможно устойчивое объединение больших масс людей. Они должны быть духовно организованы таким образом, чтобы примерно одинаково воспринимать бытие и соблюдать определенные нормы поведения. Идеология навязывается людям извне и принудительно в качестве условия самосохранения человеческой цивилизации.

Если идеология из жизни общества неустранима, то она влияет на духовную атмосферу в обществе в целом, в том числе на атмосферу в научном сообществе. Это значит, что идеологический компонент становится в принципе неустранимым компонентом создания, развития, применения любой социальной теории. И тогда более адекватной представляется изложенная выше позиция К. Поппера. Он предлагал ученым не пытаться избавиться от ценностей, а выбирать те, которые им импонируют, придерживаться их. Но при этом постоянно помнить, что они не единственно возможные, не истина в последней инстанции и потому должны, как и сами социальные теории, подвергаться критике.

Вместе с тем жизнь и творчество А. Зиновьева говорят в пользу его акцента на этическую позицию ученого – создателя социальной теории. По-видимому, нахождение «над схваткой» в социальном познании в принципе достижимо. Вместе с тем неясно: занятие такой позиции доступно многим или же для этого нужно родиться с определенными личностными качествами?

Таким образом, социологические теории высокого уровня общности могут и должны строиться по образу эмпирических наук. Превращение совокупности данных опыта в теорию есть работа по их систематизации в соответствии с правилами логики. Общая социальная теория есть теория социальных объединений, выстроенная в соответствии с правилами логики, или логическая социология.

Теория логического следования. Это центральная проблема логики, вокруг которой шли и поныне идут дискуссии. Во главу угла ставится задача построения такой теории логического следования, которая была бы свободна от парадоксов материальной и ряда других видов импликации, с одной стороны, и вместе с тем как можно полнее соответствовала интуитивному пониманию логического следования, сложившегося в практике рассуждений, умозаключений, научного познания.

В монографиях «Логика высказываний и теория вывода» [24], «Нетрадиционная теория кванторов» [25], ряде статей Зиновьев подверг анализу системы логического следования: материальную импликацию Рассела и Уайтхеда, определения следования Льюиса, Аккермана, Белнапа, Андерсона и других. Он пришел к выводу, что нет единственно верного, естественного, аутентичного понятия логического следования, соответствующего объективной логике мышления человека. Адекватное описание логического следования достигается путем конструирования различного рода логических систем применительно к тем или иным интуитивным предпосылкам, исследования их свойств и взаимоотношений.

Общая теория логического следования, разработанная А. Зиновьевым, имеет ряд существенных отличий. Он не использует для обозначения логического следования оператор импликации, как это принято, а вводит двуместный предикат «Из ... логически следует ...», который входит в формулу логического следования только один раз и является фактически метатермином логики. Формулы логического следования суть сокращенная в логической теории запись утверждения типа: «Из высказывания, имеющего вид X , логически следует высказывание, имеющее вид Y ». Кроме того, в теории А. Зиновьева выполняется условие на вхождение переменных в посылки и следствия формул следования, а именно – в следствиях не должны появляться переменные, отсутствующие в посылках. Это означает, что правила логического следования позволяют получать следствия только из того материала, какой имеется в посылках. Тем самым с самого начала устраняются парадоксы, возникающие в случае определения логического следования путем интерпретации материальной импликации классической логики и других форм импликации.

Исходя из этих гносеологических по сути соображений, А. Зиновьев построил систему логических исчислений, которые в совокупности дают решение логического следования, – сильного, ослабленного, вырожденного и других видов следования. Все эти

исчисления построены аксиоматически, доказана их непротиворечивость, полнота, непарадоксальность, независимость, разрешимость.

На основе общей теории логического следования Зиновьев построил все другие разделы комплексной логики, включая теорию кванторов и предикации, логику классов, нормативную и эпистемическую логику. Причем все названные исчисления содержат две формы отрицания и особый оператор неопределенности. Что позволило в рамках созданной им теории преодолеть трудности, связанные с теоремами К. Геделя.

Классические и неклассические логики. Под классической пропозициональной логикой имеются в виду:

- функционально полные двузначные матричные (истинностные) построения – двузначная пропозициональная алгебра;
- аксиоматические построения, дедуктивно эквивалентные двузначной пропозициональной алгебре. И вообще любые формальные системы, дедуктивно эквивалентные классическим аксиоматическим построениям.

Соответственно все логические системы, не относящиеся к вышеперечисленным, будут неклассическими. В их числе модальные, нормативные, временные и иные логики, в том числе и многозначные. В 1960 году А. Зиновьев опубликовал монографию «Философские вопросы многозначной логики» (в 1964 году переведена на английский язык), в которой рассмотрел практически все существовавшие на то время такого рода системы. А именно: трехзначную и четырехзначную логику Лукасевича, n -значную логику Поста, трехзначную интуиционистскую логику Гейтинга, системы многозначной логики, разработанные Колмогоровым, Гливенко, Бочваром [26].

Результатом этих исследований стало создание общей модели аппарата многозначной логики. По мнению Зиновьева, история многозначной логики – еще одно подтверждение того, что логика не просто описывает то, что уже в обиход науки продолжает деятельность человечества по изобретению логических форм на профессиональном уровне.

Возможные приложения многозначной логики:

- непосредственные, когда аппарат многозначной логики получает интерпретацию в терминах той или иной предметной области;
- косвенные, когда многозначная логика исследуется для исследований в рамках самой логики. Примером может служить использование многозначных логик для матричной интерпретации модальных логик и различных систем логического следования.

Построение комплексной логики. Так Зиновьев назвал логическую систему, в которой он объединил, связал результаты своих исследований. Подчеркну, комплексная логика являет собой не собрание его работ по логике, а именно их сведение в виде единой внутренне взаимосвязанной системы исходных терминов, положений, правил. Итоги многолетней плодотворной работы А. Зиновьева аккумулированы, систематизированы в монографии «Очерки комплексной логики» (2000) [27]. Ее первые результаты были изложены в книге «Комплексная логика», которая вышла в СССР в 1970 году и позже была издана на английском и немецком языках.

По мнению А. Зиновьева, потребность построения общей теории логики как комплексной логики проистекает из универсальности изучаемых ею форм и законов. Это утверждение оспаривается ссылками на множественность логических систем. Однако, считает Зиновьев, этот довод не работает. Возьмем два логических исчисления; они интерпретируются как логические теории, претендующие на описание свойств одних и тех же логических операторов; однако множества доказуемых в них формул (и значит, множества допускаемых ими правил логики) не совпадают. Если дело обстоит именно таким образом, то правильный вывод из этого факта может быть только такой: эти системы определяют различные наборы логических операторов.

Примером такого рода логических систем являются классическое и интуиционистское исчисления высказываний. Если они претендуют на то, чтобы дать определение свойств операторов «и», «или», «не», то их можно представить как различные определения отрицания. Неверно думать, подчеркивает А. Зиновьев, что имеется некое природное отрицание, которое можно познать с различной степенью глубины, полноты и точности, подобно тому, как познают атомы, общества, и свойства которого «интуиционисты» постигли лучше, чем «классики», (или наоборот). Прогресс здесь имеет место. Но он состоит в том, что применительно к некоторым потребностям познания отрицание дифференцировалось, и для различных его форм построены логические системы, определяющие их свойства. Различие логических систем есть показатель расширения и обогащения аппарата логики, но ни в коем случае не показатель того, что одни и те же законы логики верны в одних областях науки и неверны в других.

Иное дело вопрос об универсальности определенной концепции логики. А. Зиновьев отмечает: стремление представить классическую математическую логику в качестве единого средства решения любых проблем логической теории научных знаний (то есть в качестве единой концепции логики вообще) оказалось неправомерным, натолкнувшись на парадоксы и определенные ограничения применимости. И потому ближе к истине будет оценка классической математической логики как лишь одного из средств логической теории научных знаний.

Развитие логики, считает Зиновьев, есть развитие всех ее разделов, направлений. Комплексная логика выступает как общая теория единых оснований, лежащих в основе этих направлений. Решение важнейших проблем логики может быть достигнуто именно на пути их рассмотрения в комплексе, а не по отдельности, не изолированно друг от друга.

В частности, нельзя должным образом осуществить логическую (формальную) обработку языка как орудия научного познания, игнорируя предметное значение языковых выражений, то есть их онтологический аспект. Нельзя логически строго описать явления бытия, игнорируя языковые средства и методы их познания. Нельзя логически строго описать методы научного исследования, не привлекая языковые средства фиксирования знаний и оперирования ими.

А. Зиновьев убежден: три ветви старой философии – формальная логика, гносеология и онтология – должны быть слиты в нечто единое при систематическом построении логики в современных условиях в науке. Этого требуют как стремительное развитие научного познания, так и процессы, происходящие в сфере общественного сознания, менталитета людей. В повестке дня – формирование новой науки об интеллекте во всех его проявлениях – интеллектологии [27, с. 9–10].

Фундаментальными составными частями комплексной логики являются теория терминов и теория логического следования. Они представлены в формализованном виде. А. Зиновьев пришел к важному методологическому выводу: если в рамках того или иного логического исчисления какая-то проблема представляется неразрешимой, то это означает, что исчисление построено плохо. В науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики.

Аппарат комплексной логики сложен. Видимо, это одна из причин того, что комплексная логика до сих пор не исследована, не проверена с точки зрения ее логической выверенности, строгости, значения для развития логики. Но есть и другая причина. И в Советском Союзе, и в современной России, и за рубежом были и есть представители науки, в принципе не приемлющие идеи, подходы, результаты А. Зиновьева в области логики и не только в ней.

В то же время трудно отделаться от впечатления, что в основе этого неприятия лежат не только и не столько собственно научные соображения, сколько то, что принято называть предвзятостью, предубеждением. На эту мысль наводит тот факт, что в литературе

философской, социологической, логической практически отсутствуют работы, в которых дается аргументированная, подлинно научная критика идей, подходов, теорий, результатов ученого в области логики, методологии, социологии. Вместо открытой полемики, дискуссии его оппоненты избрали путь просто замалчивания или декларативного отрицания его научных достижений. Что нельзя истолковать иначе, как неуверенность в собственной правоте, глубинное осознание плодотворности того, что совершил философ, логик, социолог, социальный мыслитель.

Научное наследие А. Зиновьева и современность

Основные идеи, построения Зиновьева в области логики приходятся на 1960–1980-е годы. В последующие десятилетия эта наука не стояла на месте, развивалась. Понятно, что в свете современных достижений что-то в логических трудах Зиновьева требует корректировки: уточнения, исправления. Это нормально, естественно, ведь ее развитие не триумфальный марш от победы к победе. Но видно и другое: несмотря на отмеченные выше препоны, фундаментальные идеи Зиновьева в области логики, построенные им логические теории, исчисления живут, изучаются, развиваются. Наследие Александра Зиновьева, как и наследие практически каждого выдающегося ученого, – это не только результаты его исследований. Это еще и тематика, программа исследований, которых пока нет в концептуальном виде, но которые уже маячат на горизонте, а то и стучатся в дверь.

Одно из таких направлений – влияние развития науки, технологий, в том числе информационных, на менталитет и в первую очередь – на интеллект человека, его способность понимания сквозь призму логики. На эту сторону до него никто из логиков внимания не обращал. Свои размышления на данную тему он изложил в книге «Фактор понимания», которую по остроте поставленных вопросов, глубине высказанных мыслей можно назвать его завещанием человечеству [2]. Книга провокативная в хорошем смысле этого слова. То есть заставляющая думать, не боясь выходить за рамки общепринятых представлений. Но думать, считает автор книги, опираясь на логику, методологию, обеспечивающие понимание явлений, процессов, о которых мы рассуждаем.

Лучше, чем сам Зиновьев, об этом не скажешь. Цитирую: «...Мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания» [21, с. 4]. Обращаю, внимание – потребностям познания. Главная же потребность познания – это не просто получение фактов, их проверка, но их систематизация, осмысление, трансформация в логически связные и доказанные теории.

Что такое «понимание», согласно Зиновьеву? Это когда мы имеем не просто верную картину какого-то фрагмента действительности, а систему положений, которая объясняет, то есть дает ответ на вопрос: «Почему?». Далее, эта система имеет высокую предсказательную силу. А в случае социальных знаний она должна отвечать еще и на вопрос: «Зачем?». Какие цели, ценности эта система позволяет обосновать и реализовать.

Анализируя ускоряющееся развитие науки, технологий, общественной жизни, Зиновьев приходит к выводу, что такое ускоренное развитие создает огромную проблему – разрыв между бурным ростом знаний и отставанием в их осмыслении, понимании. Причем, похоже, разрыв этот только нарастает. Не случайно на встречах ученых, экспертов нередко звучит фраза: «Мы все больше знаем и все меньше понимаем».

Что касается понимания жизни общества, политики, глобальных явлений, обучения и просвещения людей, то здесь имеет место сознательное создание препятствий их пониманию, производство интерпретаций фактов, концепций, теорий, цель которых не постижение истины, а обслуживание интересов правящего класса. В государствах, претендующих

на глобальную гегемонию, господство над миром, эта тенденция стала определяющей. Благодаря научно-технологическому прогрессу манипулирование сознанием масс обрело невиданную прежде эффективность, пронизывает все сферы, в которых происходит формирование человека, его личности – от семьи и школы до средств массовой информации и шоу-бизнеса. Подтверждение того, что это так, – переформатирование в нацистском духе немалой части населения Украины, стремительное распространение русофобии в странах Запада, все более масштабное разрушение ценностных устоев цивилизации, в центре которой находился человек. Пишу «находился» потому, что на Западе человек созидатель, творец, мыслитель, поборник идеалов добра, красоты, справедливости – уходящая натура. Его место занимает модель массового *homo sapiens*, для которого иерархия потребностей шкалы Маслоу переписана в обратном порядке.

Соединение этих процессов ведет, по мнению Зиновьева, к возникновению угрозы мирового масштаба, которую он определяет как угрозу оглупления человечества. По его мнению, высказанному в упомянутой книге, оно уже идет. Оглупление не в смысле снижения интеллекта людей. Пока такое вроде бы не наблюдается. Зиновьев говорит об оглуплении в смысле снижения способности человечества к пониманию лавинообразного роста эмпирического материала, трансформации его в обоснованные научные теории. А также в смысле снижения способности предвидеть долговременные последствия создаваемых технологий, принимаемых решений. И, конечно, в смысле духовной примитивизации людей. Я бы использовал для характеристики этой опасности понятие Гегеля «Ночь мира», когда в сознании огромного большинства людей господствуют мифы, иллюзии, аберрации, страхи, инстинкты.

Зиновьев не испытывает большого оптимизма по поводу того, что человечеству удастся избежать опасности массового оглупления. Но и не отбрасывает полностью такую возможность. Ее реализацию он связывает с двумя ключевыми моментами.

Первое. Утверждение в нашей стране и в мире в целом принципа приоритета разума. То есть создание атмосферы уважения знаний, науки, просвещения, тех, кто трудится на этом поприще. И не только уважения, но и реальной поддержки этих сфер, в том числе путем определенной инвестиционной политики. Образование, просвещение, наука – не те области, на которых следует экономить.

Второе. Создание инструментов познания, с наибольшей полнотой воплощающих те структуры, механизмы интеллектуальной деятельности, которые лежат в основе разума. А для этого – создание науки, теории разума, ума, интеллекта. По замыслу Зиновьева, она оправдает связанные с ней надежды только в том случае, если будет осуществлена конвергенция основных наук о познании: теории познания, она же гносеология, логики, а также того, что он назвал теорией бытия человека в мире. Речь идет о синтезе онтологии и антропологии.

За пятнадцать лет, прошедших с момента выхода его последнего труда, ситуация в мире в этом отношении только ухудшилась. Людям все труднее отличить истину от лжи, факт от фейка, сознательного обмана, добро от зла. Атака идет уже не только на ценностные, но и биологические, заданные самой природой основания таких фундаментальных институтов, как семья, гендерные отношения, мораль. Человечество на распутье: одна дорога ведет по пути его кардинальной трансформации с очень тревожными перспективами, другая – к остановке наступления идеологии и политики трансгуманизма, восстановлению проверенных тысячелетиями устоев цивилизации, приоритет которой – человек как мыслящее, чувствующее, ориентированное на свет разума и добра существо. Точка невозврата миром еще не пройдена, потому что такие страны, как Россия, ее союзники противостоят торжеству зры тьмы. Научное, идейное, духовно-нравственное наследие А.А. Зиновьева – надежная опора в этом противостоянии.

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Метод восхождения от абстрактного к конкретному: дис. ... канд. философ. наук. М., 1954.
2. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.
3. *Зиновьев А.А.* Нестандартная логика и ее применение: лекция [Zinoviev A. Non-Standard Logic and its application. Several lectures in Oxford] Wilem A. Meeuws, 1983.
4. *Лекторский В.А.* Вступительная статья // *Зиновьев А.А.* Основы логической теории научных знаний. М.: URSS, 2010.
5. *Вригт Г. фон.* Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8.
6. *Карпенко А.С.* Логика на рубеже тысячелетий // CyberLeninka. Логические исследования, 2000.
7. *Новиков С.П.* Вторая половина XX века и ее итоги. Кризис физико-математического сообщества в России и на Западе // CyberLeninka, 2006.
8. *Фреге Г.* Der Gedanke. Eine logische Untersuchung // Beiträgerur Philosophie des Deutsehen Idealismus (1918–1919).
9. *Гуссерль Э.* Логические исследования: в 2 т. М.: Академический проект, 2011.
10. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Наука, 2009.
- 10а. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2019.
11. *Хайдеггер М.* Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
12. *Зиновьев А.А.* Логическая физика. М.: Наука, 1972.
13. *Зиновьев А.А.* Об основных понятиях и принципах логики науки / А.А. Зиновьев // Логическая структура научного знания. М.: Наука, 1965.
14. *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М.: Социум, 2002.
15. *Зиновьев А.А.* Основы логической теории научных знаний. М.: URSS, 2010.
16. *Зиновьев А.А.* Логика науки. М.: Наука, 1971.
17. *Виндельбанд В.* Дух и история: Избранное. М.: Юрист, 1993.
18. *Дильтей В.* Введение в науки о духе / В. Дильтей // Собр. соч. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
19. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.
20. *Поппер К.* Реализм и цель науки // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: Логос, 1996.
21. *Зиновьев А.А.* Идеология партии будущего. М., 2003.
22. *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. М.: Эксмо, 2008.
23. *Бэкон Ф.* Новый органон. М.: Наука, 1990.
24. *Зиновьев А.А.* Логика высказываний и теория вывода. М.: URSS, 2010.
25. *Зиновьев А.А.* Нетрадиционная теория кванторов. М.: Наука, 1965.
26. *Зиновьев А.А.* Философские вопросы многозначной логики. М.: Наука, 1960.
27. *Зиновьев А.А.* Очерки комплексной логики. М.: URSS, 2000.

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения логической теории А.А. Зиновьева. Показана его эволюция от традиционного взгляда на формальную логику как науку о законах и правилах правильного мышления к пониманию ее как науки, изучающей те аспекты естественного языка, которые делают его инструментом мышления, познания. Согласно А.А. Зиновьеву, логика выделяет, абстрагирует в языковых явлениях определенные структурные компоненты, которые образуют структуру знаний, независимо от того, относятся ли эти знания к области физики, биологии, истории, социологии и т.д. Предписываемые ею законы и правила не открываются людьми, а изобретаются ими в процессе совершенствования методов познания. Дается характеристика новаторского вклада А.А. Зиновьева в разработку нестандартных логик, прежде всего многозначной логики, теории следования, логических основ методологии наук о природе и социальных наук, в создание комплексной логики. Показано актуальное значение логико-методологического наследия Зиновьева для развития научного познания, противодействия тому, что мыслитель назвал угрозой массового оглупления.

Ключевые слова: логика, методология, наука, знание, познание, формальные системы, естественный язык, языки науки.

Yuri N. Solodukhin, PhD in Philosophy, RF Active State Councilor, I Class. E-mail: yur8348@yandex.ru

The Logic Doctrine of A.A. Zinoviev

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main provisions of A.A. Zinoviev's logic doctrine. The author shows Zinoviev's evolution from the traditional view of the formal logic as knowledge of the laws and regulations of correct thinking to the understanding of it as the science that deals with the aspects of natural language that make it the instrument of thinking and comprehension. According to Zinoviev, the logic singles out and abstracts in language phenomena certain structural components that form the structure of knowledge irrespective of whether this knowledge pertains to the sphere of physics, biology, history, sociology etc. The laws and regulations prescribed by it are not discovered by people, but are invented by them in the process of cognition methods perfecting. The author characterizes Zinoviev's innovative contribution to the development of non-standard logics, and above all, multivalued logic, succession theory, logic principles of the natural and social science methodology, as well as to the creation of complex logic. The author shows the actual importance of Zinoviev's logic and methodological legacy for the development of scientific perception and for the resistance to the phenomenon that the thinker referred to as the threat of mass stupefaction.

Keywords: Logic, Methodology, Science, Knowledge, Cognition, Formal Systems, Natural Language, Language of Science.